

СИН КЁНСУК

k-fiction

Люди, хлебнувшие горя, делятся на две категории: на тех, кто выдержал испытания и обрёл ещё большую веру в человечество, и тех, кто смирился и стал скептически относиться к жизни.

ИСТОРИИ,
РАССКАЗАННЫЕ
ЛУНЕ

Син Кёнсук

Истории, рассказанные Луне

Серия «К-фикшен»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50173799

Истории, рассказанные Луне: Издательство АСТ; М.; 2020

ISBN 978-5-17-115715-9

Аннотация

Хрупкость человеческого существования, неумолимая скоротечность отведенного каждому из нас земного времени, невозможность проникнуть во внутренний мир другого человека и его до конца понять – все это мы ощущаем в сюжетах 26 новелл, вошедших в эту книгу. Каждая история окрашена юмором, ироническим, но сочувственным отношением к человеку и его проблемам и дает надежду на то, что многое в нашей жизни можно изменить к лучшему, если повнимательнее прислушаться к себе. Син Кёнсук родилась в 1963 г. в крестьянской семье. Ее детство пришлось на период так называемого «экономического чуда» Южной Кореи, произошедшего после разрушительной Корейской войны 1950–1953 гг. С молодых лет работала на заводе, где стала свидетелем бунта трудящихся, который потряс Южную Корею. В юности будущая писательница и сама участвовала в протестах и митингах и пережила эпоху страшных политических потрясений и репрессий. В своих произведениях

автор часто изображает травмированное теми событиями поколение. Син Кёнсук – яркий представитель современной южнокорейской литературы. Ее творчество, полное лиризма и тонкого психологизма, высоко оценивают южнокорейские и зарубежные критики, и это признание выразилось в том, что она стала первой в мире женщиной, которая удостоилась престижной награды – азиатского Букера (Man Asian Literary Prize).

Содержание

Часть 1	6
Раз уж сказал, что любишь...	6
Пришла зима	11
Башмаки Бога	17
Это ты, Кукуруза?	23
После отъезда Д.	28
Новогоднее поздравление	33
Часть 2	39
Эпизод	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Син Кёнсук
Истории,
рассказанные Луне

THE STORIES THAT I WANT TO TELL THE MOON OF
Kyung-sook Shin

Copyright © 2013 by Kyung-sook Shin
All rights reserved.

© Чун Ин Сун, Ковригина И. А., перевод на русский язык,
2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Часть 1

Растущей Луне

Раз уж сказал, что любишь...

Эта деревня располагалась на юге страны.

Она была населена людьми, у которых не было причин ссориться. Весной они сажали семена, а после летнего сезона дождей собирали уцелевший урожай, которого едва хватало, чтобы пережить зиму. Так и жили эти люди, тихо и спокойно. Когда-то здесь обитало более двухсот семей, в которых рождались дети и покидали сей мир старики. Таким образом сохранялось равновесие: словно совершался вечный круговорот времён года. Однако сейчас там остались одни старики. Каждый, кто мог покинуть деревню, не преминул воспользоваться случаем и сделал это. Количество нехоженых тропинок возросло, и они тут же заросли травой и кустарниками, на которые слетались птицы. Старики варили на парú картофель и делились им друг с другом или же собирались все вместе в каком-нибудь доме и ели приготовленную еду, наблюдая за тем, как приближающаяся весна окрашивает горы в зелёный цвет, или слушали звуки летнего дождя. Осенью они приходили в движение и собирали урожай

и затем с почтительным смирением встречали зиму. Когда валил сильный снег, они старались не выходить на улицу и только изредка отворяли входные двери. Но, несмотря ни на что, жители деревни не желали, чтобы зима поскорее закончилась. Каждое время года они считали подарком и ценили его. Далёкие горы безмолвно взирали на людей, живущих своей размеренной жизнью.

Однажды в этой деревне впервые за десять тихих лет поднялась суматоха, и наша история как раз об этом случае.

Раз в три дня из новой церкви, расположенной в уездном городке в четырёх километрах, на церковном микроавтобусе приезжал в посёлок молодой пастор. Он навещал бабушек, сидящих на деревянном полу возле дома, и дедушек, которые вместе собирались в центре досуга для престарелых, и проповедовал им о Боге. Стариков удивляло, что в кои-то веки к ним в деревню приехал столь молодой человек. И хотя их не интересовало содержание проповедей пастора и они лишь делали вид, что слушают, жителям нравилось, что энергии молодого человека хватало на всю деревню, и казалось, она полна жизни.

Среди обитателей посёлка пастор был самым молодым. Следом, едва опережая его по возрасту, шёл монах, который жил в буддийском монастыре, расположенном на горе позади деревни.

Объездив весь посёлок и прочитав проповеди всем его жителям, пастор время от времени заезжал в храм. Там он

призывал монаха поверить в Бога, прийти в церковь и обрести спасение. Монах без единого звука смотрел на него, затем отворачивался и устремлял свой взгляд на далёкие горы. Несмотря на безразличие монаха, пастор неустанно проповедовал тому о Боге.

Однажды летним днём у монаха появились дела в уездном городке. Он спустился в деревню и, усевшись на корточки возле автобусной остановки, стал смотреть на дорогу в ожидании транспорта. Его голову покрывала соломенная шляпа, спасающая от солнца. День был жаркий, и по его лбу ручьями струился пот, стекая за пазуху монашеского одеяния. Солнце нещадно палило, а автобус всё не появлялся. Монах, держась двумя руками за посох, смотрел вперёд на дорогу. На противоположной её стороне показался церковный микроавтобус, который медленно тащился по грунтовой дороге. Казалось, он проедет мимо того места, где сидел монах, но автобус остановился перед ним, взметнув клубы пыли. Дав задний ход и медленно развернувшись, автобус приблизился к монаху. Смотревшие в окна автобуса бабушки, увидев монаха, приветливо помахали ему рукой. Тот помахал им в ответ, и тут дверь автобуса открылась, и оттуда вышел молодой пастор. Он пересёк дорогу, над которой ещё не улеглась пыль, и подошёл к монаху.

– Здравствуйте! – поприветствовал он монаха. – Приходите в нашу церковь.

Монах помрачнел и сдвинул брови. Возможно, такая ре-

акция была вызвана жарой, ведь когда пастор приходил распространять свою веру в храм, монах, как правило, с безразличным видом подметал пол, либо набирал из колодца воду, либо просто смотрел на горы, не воспринимая проповеди пастора всерьёз.

– Монах, как вы, наверно, знаете, человечество приближается к своему концу, и лишь вера в Господа Бога и служение Ему есть путь ко всеобщему спасению.

– Гванинь¹. – Монах нечаянно произнес «гва» вместо «гуа».

– В Библии сказано: «Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые». Бог и Вас примет с радостью.

– Гванинь, – произнёс монах и отвернулся от пастора.

Молодой проповедник последовал за ним, сел на корточки напротив монаха и, уставившись тому прямо в лицо, продолжил:

– Монах, давайте же пойдём по этой жизни одним путём! Если мы не соединим наши души воедино в этом опасном мире, нас постигнет несчастье. Только будучи вместе, мы можем преодолеть все трудности! С нами Господь Бог.

Монах, которому был неприятен даже один вид пастора, снова от него отвернулся. Неясно было, понимал ли молодой

¹ *Гуаньинь* – персонаж китайской, вьетнамской, корейской и японской мифологии, божество, выступающее преимущественно в женском облике, спасающее людей от всевозможных бедствий; подательница детей, родовспомогательница, покровительница женской половины дома. Образ восходит к буддийскому бодхисаттве Авалокитешваре.

человек, что чувствует монах, но он опять последовал вслед за ним. Бабушки в автобусе, словно маленькие девочки – кто ладошками, кто лбами, – прильнули к окнам и жадно наблюдали за происходящим. Мужчина опять окликнул монаха, а его лицо в порыве энтузиазма приблизилось к лицу монаха.

– Хотите знать, почему я так упорствую? Потому что я люблю вас!

Тут-то всё и произошло. Сидевший на корточках и старательно избегавший пастора монах вдруг отбросил свой посох, схватил того за грудки и резко встал. У молодого человека даже времени не было уклониться, когда рука монаха с силой хлестнула его по правой щеке, оставляя на ней отпечаток ладони. Глаза пастора округлились.

– Что?! Любишь?!

– А-а, отпустите!

– Разбежался! Подставляй теперь левую, раз уж сказал, что любишь!

– А-а-а, мо... монах!

– Ты что, гей что ли?! Почему ты меня любишь?!

Так в тихой деревушке, которая несколько лет жила без единого громкого звука, поднялся невообразимый гвалт. Всё из-за того, что бабушки, с тревогой наблюдавшие из автобуса, разразились рыданиями и наперебой взывали к молодым людям: «Монах! Пастор!»

Далёкие горы молча наблюдали.

Пришла зима

Иногда мне рассказывают о животных.

Говорят, что, когда слону приходит время умирать, он в одиночку отправляется в дальний путь. Слон находит место, где его никто не найдет, и умирает там. Утка всю свою жизнь ищет предметы, которые она видела в течение семи-восьми часов после того, как вылупилась из яйца. Здесь речь идёт о любопытном явлении: в памяти у неё запечатлевается то, что она впервые увидела и будет любить до самой смерти. Белкам свойственна рассеянность. Они даже забывают место, куда спрятали с трудом собранные жёлуди. Если найти под каким-нибудь горным деревом кучку желудей, то можно смело утверждать, что это белка собиралась их съесть, но забыла, где свои запасы припрятала. Больше чем всем остальным, забывчивость присуща рыбам. Когда перед ними внезапно появляется крючок с наживкой, они чувствуют угрозу и понимают, что его нельзя трогать. Однако стоит рыбе отвернуться от еды, как она тут же забывает про опасность и, вновь увидев крючок, заглатывает приманку. А вот это, безусловно, весьма сомнительно, однако говорят, что когда курица засыпает, то она может даже не заметить, как какая-нибудь мышь уже проникла в неё и грызет её внутренности.

Ты спрашиваешь, взаправду ли всё так происходит в природе? У меня нет ответа на этот вопрос, поскольку я сама

этого не видела.

Ещё я слышала, что накануне зимы медведи наедаются до отвала и забираются на высокие деревья, а затем кубарем падают вниз. Считается, что, испытывая боль, медведи могут съесть гораздо больше. Именно поэтому они повторяют эти действия до тех пор, пока не наедятся про запас. Всё для того, чтобы пережить зиму.

Этот рассказ о медведях, услышанный от кого-то, мне вспомнился, когда во двор моего дома, покрытого ещё не растаявшим январским снегом, степенно вошла кошка с тремя котятками. Они казались оголодавшими. Поймав мусорный пакет, гоняемый ветром, котятки полизали его, затем попытались съесть белый снег, должно быть, от жажды. Я подумала, вот бы было чудесно, будь кошки похожи на медведей. Было бы замечательно, если бы они могли подготовиться к холодной зиме, промораживающей всё насквозь, и, пока есть возможность, наелись бы вдоволь, сохраняя питательные вещества в своём организме. А зимой, как и медведи, спрятались бы в какую-нибудь нору и впали в спячку. И когда это я успела зайти по дороге домой в местную ветеринарную клинику и купить пачку кошачьего корма, вспоминая о голодных котятках, неторопливо следующих за своей мамой-кошкой?

Пошарив в серванте, я достала оттуда три ненужные тарелки. Две из них я наполнила кормом, а в третью налила воды и поставила их туда, где обычно гуляет кошка с котятками.

тами. В первый день тарелки с едой так и остались стоять нетронутыми. Я подумала, что, возможно, эти кошки не едят сухой корм, и только поменяла воду на свежую. К тому же я прочитала в какой-то книге, что для кошек зимой гораздо труднее найти чистую воду, нежели еду. Поэтому я исправно меняла воду, оставив корм на прежнем месте. Через некоторое время я увидела, что тарелки с кормом опустели наполовину. Наконец-то они заметили! На следующий день весь корм исчез. Подумав, как же хорошо они едят, я положила в тарелку побольше еды. А на следующий день – ещё больше, а через день – ещё.

Так я и провела зиму, подкармливая кошек. И хотя я всего-навсего раз в день заполняла пустые тарелки, я... ммм... как бы выразиться? Скажем так: это приносило мне радость. Для меня стало откровением, что простое осознание того, что я делаю доброе дело для другого, может утешить меня. Пусть даже я всего лишь наполняю едой пустые тарелки.

Однако несколько дней назад вместо кошки с котятками я увидела в своём дворе сорок. Поначалу я обрадовалась. И поскольку птицы клевали корм, предназначенный не для них, я побранилась и насыпала риса неподалёку от тарелок. С того дня я каждый день не только наполняла тарелки кошачьим кормом, но и рассыпала рядом горстку риса. С появлением сорок кошки куда-то пропали, но еда из тарелок продолжала исправно исчезать. Полагая, что звери приходят в моё отсутствие, я продолжала подкладывать корм. Но од-

нажды, вернувшись домой и открывая калитку, я окинула взглядом свой двор. О, боже! Сороки, чёрной гурьбой налетев на тарелки, как сумасшедшие клевали корм. Не пара-тройка птиц, а целая стая! Чёрные птичьи головы, отталкивая друг друга, с остервенением заглатывали пищу. На самом деле было даже страшновато от такого зрелища и в то же время удивительно, как птицы могут клевать кошачий корм. Стоило мне открыть калитку и войти, как сороки всей стаей взмыли вверх. Я насчитала их больше десятка. Только тогда я поняла, что всё это время они отнимали еду у кошек.

Почему пушистые четвероногие не смогли постоять за свой корм?

Я бы тоже задавалась таким вопросом, если бы не увидела всё происходящее собственными глазами. В действительности кошкам ничего не оставалось, кроме как уступить птицам, которые стаей набрасывались на них и клевали. Это так странно. Ведь, как мне кажется, можно мирно сосуществовать: кошки пусть едят свой корм, а сороки клюют рис.

Внимательно понаблюдав за двором, я обнаружила, что сороки и впрямь оккупировали кошачьи тарелки. Не знаю, как у них это получилось, но, когда сороки появлялись во дворе, кошки даже носа не смели туда сунуть. Мне хотелось узнать, где хвостатые пьют воду, и в то же время было жалко птиц: им ведь тоже надо выживать. С такими мыслями я продолжала подсыпать кошачий корм в тарелки.

А сегодня, когда начало смеркаться, я чуть не упала от

удивления. Пока я была в комнате, откуда-то донёсся шум. Когда я пошла на звук, чтобы узнать его источник, то оказалось, что он находится во дворе, где стояли тарелки с кормом. Ну и дела! Пернатые устроили самую настоящую войну! Я хоть и не понимаю птичьего языка и не могу знать, о чём они гневно спорили, но, судя по атмосфере, царившей во дворе, было ясно, что они разделились на две противоборствующие группы. Птицы яростно налетали друг на друга и тюкали друг друга клювами. Кто бы мог подумать, что сороки на такое способны? Неужели весь этот сыр-бор из-за того, что чужие сороки из-за корма напали на местных?

Какое-то время я понаблюдала за развернувшейся картиной, потом мне стало страшно из-за этой бойни, и я поспешила войти в дом, захлопнув за собой дверь. Проходящие мимо люди, заинтересованные источником шума, останавливались, поднимали головы и с удивлением смотрели в сторону разгалдевших сорок. Напуганные происходящим случайные свидетели торопливым шагом уходили прочь.

Эта ожесточённая борьба закончилась, когда одна из стай, потерпев поражение, покинула двор. Пока я наблюдала за этой суматохой в окно, моё сердце отбивало бешеный ритм.

Дорогая Луна, может, *ты* знаешь, почему птицы так себя ведут?

На следующий день я тихонько занесла все три тарелки обратно в дом. Наверно, у животных существует свой собственный мир и свой способ пережить зиму. У меня не было

другого выхода, кроме как унести тарелки, тем самым положив конец борьбе, которая началась из-за моего вмешательства в этот таинственный мир.

Однако почему мне так тоскливо? Скажи мне, Луна!

Башмаки Бога

Дорогая Сон!

После того как ты уехала несколько дней назад, я время от времени вспоминаю о тебе. В прошлом году ты провалила свой вступительный экзамен в университет и снова начала готовиться к поступлению. Я позвала тебя, потому что хотела познакомиться с господином Г. Ты говорила, что собираешься поступать на факультет искусств, и я подумала, что господин Г., будучи куратором одной галереи, сможет дать тебе более дельный совет, нежели я. Господин Г. – занятой человек, и, когда на непродолжительной встрече в обеденный перерыв ты разговаривала с ним о своей проблеме, я посмотрела на твои алеющие щёки. В свои семнадцать лет ты очень красива. Может, ты не поверишь мне и спросишь, точно ли я говорю о тебе, но, как мне кажется, ты не просто красива, а прекрасна: я даже завидую. Как-то не верится, что тебе уже семнадцать лет!

Со вчерашнего дня идёт дождь.

Это самый настоящий весенний дождик! Он непременно принесёт пользу. Люди в деревне, где живёт моя бабушка, наверняка уже засевают поля семенами, которые дадут всходы под живительным весенним дождём, а деревья, всю зиму простоявшие обезвоженными, распускают новые листья, впитывая влагу. Весна и впрямь удивительна! Посмотри на

сбегающие капли влаги на виноградной лозе, которая зимой казалась такой засохшей и мёртвой. А оказывается, растение вовсе не погибло, и это вызывает у меня восторг! Я подумываю поменять землю в цветочном горшке, куда я в прошлом году сажала бегонию, и посадить семена шпината, когда дождь прекратится. Независимо от того, буду ли я есть этот шпинат или нет. Для меня главное – увидеть, как спешат появиться на свет молодые побеги.

Я так, ни с того ни с сего, пишу это письмо, потому что хочу рассказать о книге «Башмаки Бога», которую я читала с полудня вчерашнего дня до рассвета. До этого мне она не попадалась на глаза. У меня скопилась куча книг, которые я отложила с надеждой прочитывать, но, проходя мимо стола, невольно схватила именно эту. Всё потому, что на обложке были изображены мои любимые картины Ван Гога: «Старые башмаки», «Женщина с ребёнком», «Спальня в Арле» и «Звёздная ночь».

Я взяла книгу, вернулась в комнату и начала читать. Многого я от неё не ждала, потому что до этого прочитала бесчисленное количество книг про Ван Гога. У меня была назначена встреча, и пришлось отлучиться, однако в своих мыслях я беспрестанно возвращалась к этой книге, даже когда ужинала в ресторане с друзьями. Мне всё время хотелось побыстрее вернуться домой. Воротясь, я продолжила чтение и заснула, но, когда пробудилась на рассвете, дочитала книгу до конца. После этого у меня сразу же возникло желание

рассказать тебе о ней. Я вспомнила, каким жизнерадостным было твоё лицо в нашу последнюю встречу, хотя время от времени на него опускалась тень грусти. Когда ты заявила, что собираешься специализироваться в живописи, я решила, что это не особо перспективная область и, возможно, тебе стоит подумать о дизайне или прикладном искусстве. Поэтому я и познакомила тебя с господином Г. Я боялась, что мои советы ты воспримешь в штыки, а, послушав господина Г., работающего в этой сфере, сможешь лучше представить реальную картину. Поэтому я даже попросила его помочь мне убедить тебя, что в сфере прикладного искусства будет легче найти работу после университета, чем в сфере живописи. Но ты убедительно заявила, что тебе нравится именно рисовать и что ты ещё в детстве решила посвятить свою жизнь живописи. Ты заверила нас, что только так будешь счастлива. Причина, по которой ты выглядела особенно красивой и вызвала мою зависть в тот день, кроется именно в этих словах. В тот момент я пересмотрела своё отношение к тебе. Я была неправа, считая тебя слишком юной. Несмотря на то что ты заново готовишься к поступлению в университет, провалив первую попытку, в твоём возрасте не каждый способен определиться с мечтой. И это тоже вызвало мою зависть. К тому будущему, что ждёт тебя впереди.

Моя дорогая Сон!

«Башмаки Бога» – это книга, в которой автор соглашается с общепринятой точкой зрения, согласно которой картина

пропитана болью самого художника. Одновременно с этим автор считает, что Ван Гог своим произведением проповедует слово Всевышнего. Ван Гог говорил, что самый лучший способ познать Бога – любить всё вокруг. Если смотреть с этой позиции, то я согласна с тем, что великий художник посредством «Башмаков Бога» преподносит нам Божье слово. Обожавший Ван Гога автор книги много лет провёл в поисках рукописей и картин мастера. Его труд вызывает у читателя симпатию и радость. В основном люди представляют Ван Гога несчастным художником, который всю свою жизнь прожил в страданиях, даже отрезал себе ухо и в конце концов покончил жизнь самоубийством. Но, прочитав эту книгу, понимаешь, насколько сильно он любил жизнь, каким был душевным человеком, как отчётливо знал, чего хочет от жизни и как старался любить всех окружавших его людей. Поэтому его страдания иногда даже становились утешением для меня. Когда я вновь читала выписки из бесчисленных писем Ван Гога, уголки моих глаз периодически жгло подступающими слезами. Хотя художника давно уже нет в живых, его слова несколько не потеряли свою актуальность. Он опять спустя время стал для меня целителем, лечащим собственной болью. Может быть, поэтому, начав читать, я не смогла ни на миг выпустить книгу из рук. Мне очень захотелось прочитать её тебе, в одиночестве готовящейся к повторному поступлению.

Милая Сон,

однажды друг Ван Гога попросил у него: «Сформулируй своё жизненное кредо». И художник ответил следующее:

«Я бы хотел промолчать, но, раз уж нужно, я скажу. Я хочу дарить любовь и быть любимым. Хочу жить и давать жизнь, обновлять её, возвращать, поддерживать, работать, отвечая пылом на пыл, и, самое главное, быть полезным, для чего-то пригодным, хотя бы, например, для того, чтобы разжечь огонь в очаге, дать кусок хлеба с маслом ребёнку и стакан воды больному».

Родная моя,

один год – это малый срок для жизни.

Подумай о большом, необъятном, ветвистом дереве и представь, что один год – это всего лишь одна его веточка. Когда посреди учёбы тебе станет скучно, открой альбом и набросай в нём, словно в дневнике, всё то, что ты хотела бы сделать. А затем время от времени открывай этот альбом и перелистывай по паре страниц. Хотя вряд ли это получится. Ты, равно как и я, просмотришь всё разом, не вникая. Ты уверена, что станешь счастливой, только если исполнится твоя мечта стать художницей. Когда будет трудно, попробуй найти опору в словах Ван Гога, рождённых его непростой жизнью. Я не знаю, какие ты будешь рисовать картины в будущем, но уверена, что те, которым ты отдашь всю себя и всю свою боль, не только сделают тебя счастливой, но и принесут благо другим людям. Я желаю, чтобы ты поверила

в это и двигалась вперёд. Желаю, чтобы твои будущие произведения принесли тебе счастье, а другим – отраду.

На том заканчиваю. До встречи.

Это ты, Кукуруза?

Вчера К. рассказал мне о своём однокашнике из начальной школы, который начал заниматься выпуском комиксов под названием «Лакомая пекарня». С тех пор как К. окончил школу и уехал из родной деревни на юге страны, прошло около тридцати пяти лет. Понятное дело, спустя такое продолжительное время контакты со школьными друзьями прервались. Когда я читаю какую-нибудь книгу и мне попадает слово «время», мой взгляд всегда цепляется за него. Как будто я зову кого-то по имени. Возможно, я сама себе так внушила, но при виде имени «Минчхоль» мне представляется этот самый Минчхоль, «Пукхи» выглядит как Пукхи, а «Хуни» с «Ыни» – самые что ни на есть Хуни и Ыни. И так дело обстоит не только с именами людей, но и с некоторыми другими существительными. «Луна» похожа на луну, «вода» – на воду, «дерево» – на дерево. И со словом «время» происходит то же самое. Разве не похоже оно на само время так, что даже и смысл его объяснять нет необходимости? Я же пошутила... Почему *ты* не смеёшься?

Так вот, через тридцать пять лет после окончания начальной школы на какой-то из автограф-сессий К. повстречал своего бывшего однокашника... Ах да! Забыла сказать: К. – художник-карикатурист. А я? Я тоже рисую комиксы. Правда, я не настолько известна, чтобы для меня устраивались авто-

граф-сессии, к тому же я на пятнадцать лет моложе К. И потому у меня есть все шансы, что кто-нибудь тоже будет думать про меня с уважением, когда мне стукнет столько же лет. Говоришь, *ты* меня вообще не спрашивала об этом? Да, *ты* права... Честно говоря, никто не спрашивает. Но вне зависимости от этого хочу сказать одну вещь.

Я тоже хочу, чтобы меня называли по имени, а не словом «мастер», даже когда мне будет за шестьдесят. Именно так я общаюсь с К., хотя он гораздо старше меня. Когда при первой встрече я, обращаясь к нему, произнесла «мастер», он едва не вспылил и заявил, что, по его мнению, в мире искусства не существует «мастеров», а посему, если коллеги обращаются к нему таким образом, это означает для него, что его жизненный и творческий путь подходит к концу. Мол, называть «мастером» можно только мёртвого художника.

С одной стороны, я была благодарна К. за то, что при первой же нашей встрече он воспринял меня как равную себе. С другой – меня удивили его рассуждения относительно «мастера». Я тогда почувствовала: именно это и отличает его от большинства других. Он активнее многих молодых художников и всегда стремится к чему-то новому, не останавливаясь на достигнутом.

Я опять отвлеклась.

Представь, каково это... Спустя тридцать пять лет встретить бывшего однокашника на автограф-сессии. Не знаю, что будет через такой срок со мной, но даже сейчас я не

узнаю своих товарищей по учёбе, а ведь не прошло и двадцати лет после окончания школы. В тот день К. расписался в книге и собирался уже её вернуть, как кто-то спросил: «Ты помнишь меня?» К., считавший, что перед ним обычный читатель, поднял голову и, встретившись с человеком взглядом, невольно воскликнул: «Неужто это ты, Кукуруза?!» В тот момент он словно оказался в классе старенькой деревенской школы, про которую давно уже напрочь позабыл.

Покойная мать К. очень любила готовить и всегда с любовью заворачивала для К. домашнюю еду, отправляя его в школу. Сейчас и представить трудно, но, по словам К., он был очень худым и слабым ребёнком. Думаю, поэтому его мать уделяла такое повышенное внимание разнообразию закусок, собирая ему свёрток с едой в школу. В то время в деревне были школьники, которым плохое материальное положение семьи не позволяло взять с собой обед, и им в школе раздавали по социальным карточкам кукурузные булочки. А тот одноклассник К., который пришёл на автограф-сессию, был ответственным за раздачу выпечки. В обеденный перерыв, прихватив железную посудину с ручками, он шёл в учительскую и получал хлеб. Вернувшись в класс, этот ученик, сверяясь со списком тех, кому была положена выпечка, выдавал всем по одной булочке, причём одна-две всегда оказывались лишними. Если оставались две штуки, одноклассник тут же уминал одну, а со второй в руках забирался на парту и громким голосом спрашивал, нет ли желающих поменять

её на свой обед. Тогда ребята, которым не положены были булочки, выстраивались перед ним в очередь. Среди них был также и К., который всегда завидовал тем, кто эти булочки получал.

К. утверждает, что они были очень вкусными. Но неужели эти кукурузные булочки, выдававшиеся по карточкам, были настолько вкусными, чтобы выменивать их на свой домашний обед? В те тяжёлые времена хлеб высоко ценился, и, наверно, поэтому «социальные булочки» стали предметом особого к себе отношения. Так или иначе, кукурузная булочка была одна, и ради неё перед однокашником выстраивалась целая очередь. Тогда он с булочкой в руках неторопливо осматривал обед каждого, обменивался на более приглянувшийся и с удовольствием съедал его. Чаще всего выбор падал на обед, принесённый К. А всё потому, что еда в его свёртке была настолько вкусной, что и во всей деревне не сыскать. Однокашник частенько поглощал обеды, которые мать К. с такой душой готовила для слабого здоровьем сына, а сам К. не раз с аппетитом уплетал кукурузную булочку.

Окунувшийся в воспоминания К. воскликнул тогда, на автограф-сессии: «Неужто это ты, Кукуруза?!» (Настоящее имя однокашника напрочь вылетело у него из головы.) И тот сразу же подтвердил: «Да. Это я», – и весь зал покатился от смеха. По словам К., этот давний приятель обзавёлся «Лакомой пекарней». Ну и названьице, доложу я вам... А школьный товарищ К. всё на той же автограф-сессии с гордостью

поведал, что самое вкусное в его пекарне – это кукурузные булочки.

В декабре прошлого года К. впервые побывал на встрече выпускников начальной школы. Кукуруза принёс кучу булочек и раздал всем пришедшим, да ещё в таком количестве, что те с трудом смогли их унести. После этого К. начал рисовать серию комиксов под названием «Лакомая пекарня». Каждую неделю он ходит в ту пекарню, чтобы понаблюдать за её жизнью и воплотить увиденное в комиксах. Никогда не знаешь, когда и где встретишься с человеком, с которым когда-то был знаком. Поэтому нужно стараться каждую минуту жить правильно, поддерживать хорошие отношения с людьми. Когда я слушала рассказ К., мою грудь сковал холод. Представь: через много лет ты встречаешь человека, с которым твои жизненные пути однажды разошлись, и ты не можешь вспомнить его имени, а он – твоего. Но вы друг друга узнали. Не правда ли, страшно, как он назовёт *тебя*? И как назовёшь его *ты*?

После отъезда Д.

После отъезда Д. в Америку Хигён каждое утро стала звонить её мама, живущая в деревне. Она неизменно задавала один и тот же вопрос: как дела? А Хигён сонным голосом отвечала, что у неё всё в порядке, и больше им, матери и дочери, сказать друг другу было нечего. Когда мать со словами «ну, ладно, поспи ещё» собиралась уже повесить трубку, дочь спрашивала: «Мама, ты что-то хотела мне сказать?» – и мама отвечала, что нет, ничего, и разговор заканчивался. Так продолжалось больше десяти дней.

Хигён не понимала, почему мать так себя ведёт. Ей казалось, что её младшая сестра Д. уж точно знает. Когда Д. жила в Сеуле, Хигён всегда звонила ей разузнать подробности маминой жизни: что лучше подарить ей на день рождения, как проходит лечение её артрита, в каких вещах она больше всего нуждается. Хотя Хигён и старшая дочь, её «функции» на самом деле выполняла Д. Мама и Д. всегда находили друг с другом общий язык. Точнее сказать, они всегда понимали друг друга. Если люди постоянно общаются, то и темы для разговора у них всегда найдутся. Когда Хигён позвонила сестре и спросила, не знает ли она, почему мама звонит каждое утро, но при этом не сообщает ничего важного, Д. лишь переспросила: «Мама?» – и замолчала.

– Так почему?

– Когда я жила в Сеуле, я звонила ей каждое утро.

– Правда?

– Да.

– О чём же вы разговаривали?

– О её любимом ежедневном сериале. Накануне вечером мы смотрели очередную серию и потом обсуждали по телефону.

– О сериале?

– Ага. Попутно мы болтали обо всём, например о её любимом актёре, она интересовалась, завтракала ли я и какие у меня на сегодня планы. А я справлялась о том, как она спала, не болит ли чего.

– И кто же мамин любимый актёр?

– Чухён. Она говорит, что большой живот ему очень идёт.

Хигён повесила трубку и на пустой желудок выпила уже вторую чашку кофе. В растерянности женщина посмотрела на стол. До четырёх утра она сидела за переводом, но работы ещё оставался непочатый край. В тексте было много специальных терминов, требующих научных знаний, и перевод давался с трудом. Намереваясь снова взяться за работу, Хигён собиралась сесть за стол, но никакого настроения не было, и она решила позвонить в деревню. Мать не ответила... Надо же, подумала Хигён, она и знать не знала, что Д. и мама общаются каждое утро.

Вот оно как.

Только после того, как Хигён узнала, что Д. и мать каж-

дое утро обсуждают просмотренный ими накануне сериал, она осознала, какое важное место её младшая сестра занимает в жизни их матери. Хигён еще раз набрала мамин номер. Слушая в трубке гудки, она вдруг сообразила, что до сих пор никогда ей не звонила сама, только отвечала на входящие звонки.

Как она могла быть настолько равнодушной по отношению к матери, которая в полном одиночестве засыпала и просыпалась в своём деревенском доме? Объяснить это можно было тем, что была Д., которая всегда уделяла маме внимание. В то утро Хигён поняла, что причина колебаний сестры, стоит ли ей ехать в Америку, заключалась именно в матери, а не в том, что пришлось бы на время оставить работу. Хигён подбадривала сестру: «Ты же не на всю жизнь в Америку едешь, а всего лишь на два с половиной года. Некоторые платят деньги, лишь бы оказаться там. Какие могут быть сомнения?» В тот момент она даже и не догадывалась, каково будет матери в отсутствие Д.

Хигён корила себя за своё безразличие к матери. Словно в наказание себе, она целый день ничего не ела, лишь пила кофе и работала над переводом.

Вечером Хигён с ноющим сердцем включила телевизор, чтобы посмотреть сериал, горячо любимый мамой. Хотя шла уже сто тридцать восьмая по счёту серия, понять сюжет не составило труда. Дождавшись появления любимого мамино-го актёра, она внимательно посмотрела на его живот.

Как ни хотелось Хигён достойно оценить живот актёра, она не смогла признать, что он ему идёт. Вряд ли кого-то красит заметно выпирающее вперёд и сотрясающееся при движении пузо. Надо сказать, что на протяжении всей серии герои так часто что-то ели, что у Хигён, весь день просидевшей на кофейной диете, не переставая бурчало в животе.

На следующее утро позвонила мама. Безучастным голосом она спросила, всё ли в порядке, и, услышав положительный ответ, уже собиралась повесить трубку, но Хигён начала быстро говорить:

– Мама, вот что ты нашла в этих сериалах? Они там или едят, или в очередной раз спорят, стоит ли им расставаться. И что такого замечательного в животе Чухёна? Если живот так вырос, нужно спортом заниматься! Ничего хорошего, когда живот выпирает так сильно, будто в нём что-то припрятали, это неправильно, мама!

Голос матери стал громче.

– Послушай, милочка! Не суди о том, в чём не разбираешься! Разве есть что-то важнее в жизни людей, чем кушать и засыпать вместе? Тебе это неизвестно, и поэтому ты до сих пор в девках сидишь! Посмотри хорошенько на живот Чухёна! Он делает его индивидуальностью. У твоего отца тоже был животик, и он отлично с ним выглядел!

Хигён рассмеялась. Теперь она поняла, что мама видела в актёре образ отца, с которым она жила счастливо.

Как бы часто сестра ни становилась на сторону матери, с

её предвзятым мнением об отцовском животике Д. вряд ли бы согласилась. Когда отец был жив, разве его живот касался первым створок ворот, когда он их открывал? Хигён вскочила с кровати и, намереваясь продолжить спор, громко воскликнула: «Мама!»

В этот момент на другом конце линии мама приняла знакомую позу, в которой она обычно сидела, разговаривая с Д.

Новогоднее поздравление

У меня есть дурная привычка: когда я выпиваю, то направляюсь к своему прошлому месту жительства. Не могу же я, в самом деле, пойти в свой будущий дом, мне ведь неизвестно, где он расположен. Даже прежние места жительства не были моими собственными. Сначала это был родительский дом, потом – дом брата. В конце концов я осознал, что у меня нет собственной крыши над головой. Ну и что? Разве это не нормально для тридцатипятилетнего мужчины? Жильё нынче такое дорогое – не понимаю, на какие деньги люди его приобретают. Но я говорю об этом не с целью позлословить в их сторону. Этим людям наверняка пришлось изрядно потрудиться, чтобы заработать на свои апартаменты, и это достойно уважения. Исключая те случаи, конечно, когда недвижимость досталась им по наследству.

Что посеешь, то и пожнёшь. Только ненормальный будет ждать всходов, ничего не посадив. Я никогда не мечтал обзавестись собственной жилплощадью, поэтому теперь её отсутствие вполне закономерно. Я не заслужил даже ту студию, в которой сейчас живу. Моя нынешняя студия кажется мне раем по сравнению с той комнатой в районе Самчхондон, которую я снимал после того, как съехал от брата.

С тех пор как я начал жить со старшим братом, я заметил, что стоит мне слегка перебрать с выпивкой, как я ока-

зываюсь перед своим прежним жилищем. Мы неоднократно переезжали с места на место. Кстати говоря, не в пример мне брат очень трудолюбивый. Я, увлѣкшийся фотографией и накупивший десятки фотокамер, которые в итоге просто лежат без дела, и мой брат, несомненно, принадлежим к разным категориям людей.

В брате с самого раннего возраста обнаружилась экономическая жилка. В детстве мы получали на карманные расходы поровну. По истечении недели я проматывал все деньги, а у моего брата даже и через месяц, вплоть до того, как нам снова выдавали на карманные расходы, кое-что оставалось. Даже служа в армии, он сумел скопить денег, хотя получал смехотворно маленькое месячное жалованье. Поначалу разница между нами была лишь в том, что я спускал все свои карманные деньги, а у брата они оставались. Со временем эта разница превратилась в пропасть, и я теперь живу в съёмной студии размером в пятьдесят квадратных метров, а у него собственный дом.

Вообще-то я не собирался всё это рассказывать. Я намеревался поведать об одном новогоднем поздравлении, которое мне довелось услышать из-за своей странной привычки.

Я уже говорил, что, будучи выпивши, имею обыкновение возвращаться в свой прежний дом. Под прежним домом я имею в виду дом брата. С тех пор как мы начали жить вместе в этом городе, мы часто переезжали, и даже после его свадьбы я жил под одной крышей с молодожёнами несколь-

ко лет. Если так подумать, я не только не умел разумно тратить деньги, но и был глупцом. Я даже не задумывался о том, что могу доставлять неудобство невестке своим проживанием в её доме. Моя невестка отличается от всех невесток мира. Она по-настоящему любила и продолжает любить моего брата. В любви, как правило, власть в руках того, кто более любим. Конечно, использовать слово «власть» по отношению к любви не очень правильно, но всё-таки это отражает реальную картину. Я думаю, что человек, который питает самые нежные чувства ко второй половинке, всегда лучше. В семье моего брата таким человеком, несомненно, является невестка. Иначе могла бы она так заботиться не только о своём муже, но и о его семье? Я даже пришёл к мысли, что моя красавица-невестка – ангел во плоти. Когда она впервые обратилась ко мне, от волнения у меня забилося сердце.

Съехав от брата, я упорно продолжал возвращаться к его дому, приняв лишнего на грудь. Обычно это случалось далеко за полночь. Пока мы жили вместе в том доме, каждую зиму мы заполняли подвал углём, поскольку в гостиной было очень холодно. Мы устанавливали чугунную печь прямо в центре гостиной. Ах, эта чугунная печь! Зимой она делала нас счастливыми: с её помощью мы запекали сладкий картофель, грели воду для чая. Невестка, будучи такой же экономной, как и мой брат, стирала бельё. Запах кипятившихся вещей поднимал настроение. В такие зимние вечера моей обязанностью было менять уголь в печи. Эта обязанность,

как мне казалось, давала возможность жить с новобрачными, особо не стесняясь.

Привычка – страшная вещь. Когда я стал жить один, мне рассказывали, что, напившись, я отправлялся к дому, где жили брат с женой, и что было сил стучал в ворота. Естественно, я этого не помню. Я во весь голос требовал открыть дверь. Когда невестка открывала мне, в независимости от времени года я первым делом спускался в подвал. Мое подсознание, вероятно, требовало поменять уголь в печи. Спустившись в подвал, я сворачивался в клубок на куче угля и засыпал. Таким вот я был.

Казалось, моя дурная привычка заявляться пьяным в свой прежний дом уже сошла на нет, но первого числа этого нового года всё снова повторилось. В тот день мужской холостяцкой компанией из фотокружка мы поехали на остров Канхвадо, где планировали сделать множество чудесных снимков. Опьянённые красотами провинциальной зимы, мы решили пропустить по рюмочке. Крупными хлопьями падал снег, добавляя нам лирического настроения. Охмелев, я сел в такси и, сам того не осознавая, назвал таксисту район, где находилось прежнее жильё моего брата и невестки. Тот дом стоял в самом конце длинного переулка. Бывало, я открывал ворота и рассматривал этот переулок, и тогда у меня возникало ощущение, что он бесконечен. Я помню те сладостные моменты, когда весенним днём я шёл по переулку и вдыхал аромат красных бутонов на розовых кустах, которые образо-

вывали густые заросли по ту сторону забора возле соседних домов.

В районе полуночи первого дня нового года я брёл по длинному переулку к своему прежнему дому, где уже обитали незнакомые мне люди. Помнится, я даже ускорил шаг, намереваясь поменять уголь в печи. Выпавший за день снег укрыл дорогу ледяной коркой, на которой я периодически поскальзывался. В переулке никого не было: только белый-белый снег, падающий с неба, и мои следы, отпечатывающиеся на заснеженной дороге.

Дойдя до нужного мне места, я увидел какого-то юношу, изо всех сил пытающегося залезть на забор дома, находившегося напротив. Он был небольшого роста, и на вид ему можно было дать не больше двадцати лет. Я стоял перед воротами своего бывшего дома и с удивлением глядел на него. Зачем он лезет на забор, если это явно даётся ему с таким трудом? Моя хмельная голова даже и подумать не могла, что этот малец, возможно, воришка. Тем временем юноша, поскальзываясь, упорно продолжал карабкаться. Я подумал, как нелегка, наверно, его жизнь, и посочувствовал ему. Он выглядел как человек, проваливший вступительный экзамен в университет или не прошедший собеседование с работодателем. С горем пополам забравшийся на забор юноша тяжело выдохнул. Заметив меня на противоположной стороне переулка, он вздрогнул от испуга. На его лице была чёрная маска, усыпанная белыми снежинками. «Какой забавный

костюм», – подумалось мне. Мы встретились глазами, и, не зная, что сказать, я спросил.

– Что вы там делаете?

Я думал достать из чехла фотоаппарат и сделать для себя фото, но сил уже не оставалось. Мой вопрос был простым приветствием. Юноша, который минуту назад с таким трудом взобрался на забор, вдруг с кошачьей ловкостью спрыгнул с него, поклонился мне и воскликнул:

– С Новым годом!

А затем, осыпаемый хлопьями снега, он пулей помчался по длинному переулку прочь от меня. Стоило мне подумать, что опасно так бегать, ведь можно упасть, как он тут же шмякнулся на асфальт. Быстро поднялся и, не оглядываясь, побежал дальше.

Часть 2

Полумесяцу

Эпизод

Молодая мама с годовалым ребёнком на спине смотрела на бабушку, которая спускалась по лестнице, ведущей в метро. На вид ей было уже за восемьдесят. Дремавший на спине ребёнок захныкал, а мама, покачивая телом, чтобы его успокоить, продолжала наблюдать за старушкой. По первому впечатлению, эта иссохшая пожилая женщина весила не больше сорока пяти килограммов: уж больно она была худая. В левой руке она держала бумажный пакет, а в правой – бежевую сумочку. Взгляд мамы переместился на идущую вслед за бабушкой женщину с химической завивкой. Дочь? Невестка? На голове она несла груз, по величине сопоставимый с размерами старушки. Её поклажа, тщательно замотанная в марлю, сильно давила голову. Когда женщина с завивкой спускалась по лестнице, её лоб, казалось, превратился в узкую сморщенную полоску.

– Я пойду. Дети должны уже вернуться из школы.

Данная особа с грохотом опустила свою поклажу на пол, затем как-то неискренне попрощалась и побежала вверх

по лестнице, игнорируя оклик старушки. Когда прозвучало объявление о прибывающем поезде, старушка спросила у мамы с ребёнком, идёт ли поезд до станции «Тансан». Та кивнула, беспокоясь о том, как бабушка справится с такой ношей. Наконец поезд с грохотом прибыл на станцию, и двери открылись. Мама с ребёнком, которая то и дело поглядывала на старушку, первой зашла в вагон. Помочь бабушке у неё не было возможности из-за малыша. Старушка спешно закинула в вагон свою сумку, затем, обеими руками обхватив груз, обмотанный марлей, втащила и его в поезд. Молодую женщину удивило, что эта щуплая на вид старушка смогла поднять такую тяжесть. По-видимому, она была достаточно сильной, несмотря на своё телосложение. На дворе стоял день, и в вагоне было немногочисленно. Помимо тех, кто приготовился выйти на следующей станции, никто из пассажиров не стоял, однако и свободных сидячих мест не было. Каждый был занят своим делом: кто-то уставился в свой гаджет, кто-то, закрыв глаза, слушал в наушниках музыку, кто-то был погружён в чтение. Никто не обращал внимания на старушку и мать с ребёнком. Молодая женщина подошла к единственному свободному месту и оглянулась. Она колебалась: занять место самой или уступить бабушке. Старушка жестом велела ей садиться, а сама уселась сверху на свою поклажу. На её лбу выступили капельки пота.

Когда мама с несколько виноватым видом заняла свободное место, сидевшая напротив ещё одна пожилая женщи-

на, подвинувшись, предложила старушке сесть рядом с ней. Несколько раз отказавшись, бабушка всё же поддалась на уговоры и села. Поскольку она была худая как щепка, то легко поместилась в освободившемся пространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.